

В страхе Божьем познавать с открытым сердцем *О возможном пути разрешения конфликта в католическом учении*

О добродетели *страха Божьева* теперь говорят редко, и мне хотелось бы вернуть эту тему в наш дискурс. Я обращаюсь к ней, потому что те, кто вступает в моральную дискуссию, обычно предполагает, что её начинают с точки зрения «хороших парней». Те же, кто движим страхом Божьим, боятся своей собственной безответственности, окаменелости сердца и близорукости, которые могут свести на путь слишком лёгкий, где вызывающие и спрашивающие нас голоса будут не слышны. Поэтому страх Божий принуждает нас к своего рода постоянно упражняемому вниманию в отношении нашего собственного пути, чтобы он не привёл нас к саморазрушению.

Смысл этого обращения будет понятнее, если мы возьмём, к примеру, книгу Гиты Сирени «В ту темноту»¹. В этом замечательном тексте автор показывает медленный путь морального разложения Франца Штангла, австрийского полицейского, возглавлявшего концентрационный лагерь Трешлинка. Он уверил себя, что у него не было выбора в непростой ситуации того времени. Под его руководством был уничтожен почти миллион узников, хотя сам лично он не участвовал ни в одном убийстве.

Однако, в книге Г.Сирени я хотел бы обратить внимание не на интервью с Ф.Штанглом, а на исследование того, что случилось в Германии, когда Гитлер задумывал программу уничтожению умственно отсталых и физически неполноценных людей. В своё время бывший священник, ставший нацистским чиновником, был обвинён в принуждении видных католических теологов дать письменное заключение о возможной реакции Церкви на политику насильственной эвтаназии, планируемой властями. Заключение, все пять копий которого исчезли, было написано выдающимся моралистом проф. Майером из Падерборна. Согласно показаниям, данным под клятвой теми, кто видел это заключение, документ давал понять, что убийство неполноценных людей может быть допустимым.

Известие о содержании заключения достигло высших особ в церковных кругах. Из молчаливой реакции этих кругов Гитлер заключил, что его программа уничтожения слабых не вызовет резкой реакции Церкви. Теперь он мог не опасаться, что католическое население, подстрекаемое иерархией, воспротивится подобным мерам, и программа была принята к исполнению.

После войны, когда попытались разобраться в обстоятельствах письменного заключения и того, кто и что знал о существовании программы насильственной эвтаназии, было много случаев амнезии и деклараций о неведении о происшедшем. В такую забывчивость и неведение было трудно поверить, поскольку в своё время было несколько смелых, единичных голосов церковных лидеров, кто предпочли тюрьму молчанию.

Искушённые перспективой примирения с враждебным режимом, некоторые заметные католические фигуры посчитали подходящим пойти на компромисс моральной доктрины, которая к тому времени категорически запрещала без каких-либо исключений убийство неполноценных. Результатом

¹ Gitta Sereny, *Into That Darkness: From Mercy Killing to Mass Murder*. London, Pimlico, 1995.

стало уничтожение тысяч слабых и абсолютно беззащитных людей, утрата доверия к церковным властям и, наконец, полный профессиональный позор тех, кто позволил себе быть таким образом искушённым. Было бы, наверное, опрометчиво думать, что если бы я оказался в Германии 1930-40-х годов, то поступил бы лучше за тех своих братьев по вере, кто выбрал компромисс. Вероятнее, что я оказался бы в партии компромисса, а не той смелой группе, члены которой со временем были вознаграждены.

Социальный вызов

Я обратился к этим событиям, поскольку в них можно найти аналогию тому, что происходит в настоящее время. Никто не сомневается в традиционности непримиримой оппозиции Церкви любым попыткам узаконить сексуальные и эмоциональные отношения между однополыми парами. Но не спешите: укрепленные примером доброй воли гражданских властей во многих странах, некоторые из нас, к числу которых принадлежу и я, предлагаем разжать звено в цепи непримиримой оппозиции, допуская, что для Церкви вполне возможно – без какого-либо ущерба для её доктрины и миссии – изменить оценку геев и лесбиянок. Изменив оценку, Церковь сможет изменить также свою позицию в отношении гражданских законов, нормализующих жизнь этих людей.

Было бы безответственным для меня не спросить себя самого: не случится ли так, что дожив до 81 года, как в 1967 г. проф. Мейер во время суда над участниками программы эвтаназии, я окажусь в ситуации страшного позора и дискредитации из-за того, что я когда-то стал приверженцем и соучастником чего-то, что со временем проявило себя этапом бесспорно зловещего и коварного пути. Безусловно, никто из нас не знает, что будет результатом предлагаемых изменений гражданских законов в разных странах. Церковные голоса пророческим тоном предвещают серьёзный ущерб для социальной жизни и, вместе с высшими представителями ислама, ожидают, что сами основы общества пошатнутся из-за распространения гражданского брака на однополые пары.

Иные голоса утверждают, что нет никаких признаков ущерба в тех странах, где законы уже изменены. Наоборот, – эти голоса настаивают, – нераспространение права на полное гражданское признание является злом в той степени, в какой категория людей без каких-либо объективных оснований осуждена быть гражданами второго сорта. Как бы там ни было, если аргументы духовных властей имеют основу, нам понадобится какое-то время оценить социальные последствия расширения гражданского брака, хотя теперь ещё сложно сказать, как эти последствия могли бы быть измерены.

Именно поэтому страх Божий так важен. Нравится нам или нет – мы на новой территории. Поэтому я хотел бы идти очень медленно, шаг за шагом показывая связи в моей аргументации, чтобы всё, что выглядит невозможным, было возможно исправить, пока ещё не поздно. Иными словами, я попытаюсь изнутри Церкви рассуждать о вопросе геев таким образом, чтобы всё сказанное могло быть оспорено и обсуждено.

Я думаю, что следует сразу же указать на то, что я думаю о том, что я пытаюсь делать, поскольку следует иметь в виду, что если характеристика геев и лесбиянок, сформулированная ватиканскими конгрегациями, верна, то весьма сомнительно, что те геи и лесбиянки, кто признаёт себя таковыми, способны на рациональную дискуссию на эту тему. Согласно официальному учению, такие люди признают частью своего 'Я' нечто, что не является ничем иным, как

безусловным (т.е. независящим от обстоятельств, – *пер.*) беззаконием². Последствия этого должны быть развращающие для самовосприятия и способности рассуждать. Аналогией может служить пьяный человек. Пока он пьян, никто не будет ожидать от него способности к размышлению или моральной ответственности. Наоборот, любой из нас проявит недостаток здравого смысла, если попробует на равных разговаривать *с ним*, пытаясь вовлечь его ‘Я’. Пока он пьян, его настоящее ‘Я’ временно недоступно для нас, так что разумнее будет говорить *о нем* – о том, кто найдёт его ключи и отвезёт его домой.

Таким образом, в моей попытке размышления изнутри Церкви вполне возможно увидеть нечто аналогичное попытке пьяного водителя показать дорожному инспектору, что он вполне в состоянии пройти, не пошатнувшись. Обычно, уже сама такая попытка будет свидетельством того, что с человеком что-то не в порядке. Поэтому мне хотелось бы попросить тех, кто разделяет точку зрения ватиканских конгрегаций, принять мою попытку пройти по прямой линии не пошатнувшись как знак чистосердечного желания понять или как своего рода крик о помощи. Иными словами, я прошу не принимать меня за врага веры, диверсанта, расшатывающего основы Церкви, распространяя отвратительные ереси. В худшем случае, я – глупец, покушающийся на рациональное размышление, кто, однако, ничего не прячет за спиной и не умалчивает. И если в конце концов позиция ватиканских конгрегаций окажется верной, тогда – я осмелюсь сказать, – нас, таких же глупцов, будет очень много, и всем нам понадобится хорошо продуманная пасторская помощь, чтобы вернуться к здоровому уму.

В эпицентре конфликта

Таким образом, моё первое предположение: Церковь, в т.ч. геи и лесбиянки, оказалась в эпицентре серьёзного конфликта двух элементов католической доктрины, которые не воспринимались ранее противоречащими друг другу, но на протяжении последних лет стали причиной серьёзных потрясений для многих верующих. С одной стороны, это традиционное учение Церкви о первородном грехе и благодати, а с другой – традиционное учение о однополых сексуальных отношениях.

Первый элемент хорошо знаком большинству верующих. Церковь учит, что в грехопадении первых людей, а поэтому и в настоящей жизни всех нас наша человеческая природа серьёзно повреждена, хоть это ранение и не стало причиной полного разложения человеческой природы. Разница здесь важна: если бы наша природа была разрушена целиком, если бы наше разложение было радикальным, – как учат некоторые из протестантских Церквей, – тогда спасение было бы даровано нам безо всякой преемственности с нашей настоящей природой и нашим прошлым. Не было бы органической преемственности между «тем, кем я был» до принятия спасения и «тем, кем я стану», когда всё откроется. Поскольку наша природа серьёзно повреждена, но всё также остаётся человеческой природой, спасение приходит к нам как процесс совершенствования нашей природы. В результате, «то, кем я стану», согласно

² Русский текст Катехизиса Католической Церкви (§ 2357) передаёт характеристику гомосексуальной ориентации «*objectivement désordonnée*» (оригинальный текст Катехизиса был написан по-французски) как «безусловное беззаконие». Такой перевод несколько неудачен, поскольку сужает смысл фразы, подразумевающей скорее неупорядоченность и болезненное расстройство (ср. англ. *intrinsically disordered*, пол. *obiektywnie nieuporządkowana*). – *Прим. пер.*

традиционному католическому учению, подтвержденному Тридентским собором, органически преемственно «тому, кем я был».

Таким образом, всё, что нормально для живой католической веры и возрастания в благодати, всегда начинается оттуда, где мы находимся теперь, зная, что ни один фрагмент человеческого желания или жизни не является безусловным злом – неподвластный исправлению или исцелению, а только заслуживающий разрушения. Тем не менее, всякое наше желание, каким мы получаем его и претворяем в жизнь, повреждено – серьезно искажено. Мы, однако, можем быть вполне уверены, что даже самое низменное в человеческой жизни подвластно трансформации в нечто иное, что станет отражением божественного величия. Для католической антропологии нормальным является видеть в человеческом желании, каким бы поврежденным или зависимым от любого вида зла оно ни было, не как радикально извращенное, а как нечто, что в принципе может снова быть обращено к добру.

Это – центральная часть католической веры. Без неё всё учение о благодати, милосердии, прощении и таинствах требовало бы радикальных изменений. Более того, понимание милосердия Церкви как прежде всего и всегда начинания оттуда, где мы теперь, и непрепятствования благодати, настаивая на необходимости стать кем-то ещё, чтобы быть способным получить благодать, похоже, является частью *sensus fidei* – инстинкта веры в католическом понимании.

Второй элемент в этом конфликте – учение об однополых сексуальных отношениях. До недавнего времени, казалось, не существовало никакого конфликта между этим учением и доктриной о первородном грехе и благодати, потому что учение говорило о сексуальных действиях и только. Оно заключалось в том, что любые сексуальные действия между людьми одного пола категорически запрещены, для доказательства чего в разные периоды приводились различные аргументы.

Неверная дихотомия

Все эти аргументы имели ввиду, что такие действия являются извращением человеческой природы, которая сама по себе и всегда – говоря современным языком, – «гетеросексуальная». Запрещая действия, ничего не говорилось о состоянии или бытии человека. Поэтому было возможным с чистой совестью сказать тому, кто практиковал однополые сексуальные акты, воздерживаться и искать процветания, которое возможно, если обратить человеческое желание в его естественное. Например, нормальным было посоветовать юноше, исповедующемуся в помышлениях о мужчинах, побыстрее жениться и искать таким образом исцеления. Когда «геев» ещё не существовало, а были только «садомские грехи», не было и конфликта между учением о благодати и теми грехами.

Проблема возникла в последние десятилетия в результате социальных изменений, которым оказались подвластны все, независимо от религиозной принадлежности. В второй половине XX столетия более и более явственным становилось то, что невозможно так просто различать действия и бытие, как традиционно представлялось. Похоже, что существуют люди, меньшинство, более или менее в каждой культуре и обществе, а также среди животных, которые просто «такими» являются. И это не индивидуальное заблуждение. Это категория людей с общими и очевидными характеристиками продолжительного и стабильного эмоционального и эротического влечения к людям своего пола.

Если из психологических характеристик группы людей убрать одну единственную деталь – о их сексуальной ориентации, – в характеристиках не будет ничего, что бы позволило на их основании точно установить ориентацию человека. Иными словами, влечение к людям своего пола, похоже, не несёт с собой никаких специфических эмоциональных или психологических особенностей, а тем более деформаций, которые не имели бы место у тех, кому свойственна ориентация большинства.

Конфликт между двумя элементами католической доктрины становится более и более очевидным. Пока предметом дискуссии были действия, а не бытие, было возможным одновременно сказать: «Не делай так!», – и: «Прцветай, брат!», – потому что была уверенность, что поступки не следуют из того, кем брат в действительности является. Сказать тоже самое будет проблематичным, если принять, что брат «просто такой», потому что его процветание как минимум частично начинается от того, кем он есть.

Этот конфликт ни в коем случае не исключительно академического толка. Он – настоящая реальность для многих людей, для кого дилемма между «Просто я такой и поэтому я должен быть таковым как можно лучше» и «Я не такой, но я страдаю от страшных искушений, которые каким-то образом я должен преодолеть» является настоящей болезненной пыткой. Всё больше молодых людей разрешают этот конфликт, принимая, что они «просто такие», и на основе этого создают свою жизнь.

«Просто быть таким»

Ватиканские конгрегации вынуждены были реагировать на этот конфликт. Если бы они признали, что «быть таким» - это часть того, как мир устроен, фрагмент Божественного проекта творения, то было бы очевидным, что действия, проистекающие из этого бытия, не могут быть безусловно незаконными. Они могут быть хорошими или плохими в зависимости от обстоятельств – точно также, как и гетеросексуальные акты. У Ватикана был выбор между двумя возможностями: либо признать, что «быть таким» является в принципе нейтральным, что в контексте всего сотворённого означало бы позитивность гомосексуальной ориентации и бессмысленность запрета на однополые сексуальные отношения; либо отрицать, что «бытие таковым» существует, а поэтому любые проявления гомосексуальной ориентации являются по существу проявлением дефективной формы гетеросексуального бытия, на основании чего традиционный запрет на однополый секс может быть снова подтверждён.

Здесь стоит обратить внимание на два логических барьера, которые католическое учение не в состоянии преодолеть, не фальсифицируя своей собственной доктрины. Во-первых, Церковь не может сказать: «Иметь гомосексуальную склонность вполне нормально, это нечто нейтральное или даже положительное. Церковь уважает и приветствует такое бытие. Церковь, однако, запрещает действия, следующие из этого бытия». Позиция, утверждающая абсолютную порочность действий, являющихся результатом нейтральной или позитивной формы бытия, была бы нелогической и нарушающей один из принципов католической моральной теологии: действия проистекают из бытия (*agere sequitur esse*).

Второй барьер заключается в следующем: Церковь не может сказать о гомосексуальной ориентации, что это безусловно незаконное желание, поскольку сказав это, Церковь согласилась бы с ересью, утверждающей, что какая-

то часть человеческого бытия абсолютно извращённа и неподвластна трансформации.

Оказавшись перед двумя барьерами, церковная логика сделала двойной обратный флип, достойный олимпийского гимнаста. Результатом стала следующая формулировка: «Хоть сама по себе гомосексуальная склонность не является грехом, она представляет собой тенденцию к поведению, которое является безусловным злом и поэтому должна считаться объективно незаконной». Таким образом, Ватиканские конгрегации решили и далее настаивать на неприемлемости однополых сексуальных действий, не называя гомосексуальное желание безусловным злом.

Цена такому определению, однако, очень высока. Она вынуждает её приверженцев настаивать на том, что гомосексуальная склонность сама себе, независимо от действий, проистекающих из неё, является чем-то объективно незаконным. Объективность, которую они имеют ввиду, выводится не из познания, основанного на опыте, а априори, как результат церковного учения о браке, а именно – гетеросексуальности всех людей. Именно из допущения принципиальной гетеросексуальности всех людей следует дефективность тех, кто имеет влечение к людям своего пола.

Проблема с дефективностью геев

Характеристика гея или лесбиянки как дефективного гетеросексуалиста абсолютно необходимая для поддержания запрета на однополые сексуальные отношения. Но здесь появляется новая проблема: чтобы такая характеристика была полностью в соответствии с доктриной о первородном грехе и благодати, благочестивая жизнь должна изменять геев и лесбиянок в гетеросексуалов в той степени, в какой они возрастают в благодати. Иными словами, в той степени, в какой благодать делает их более терпимыми, верующими, щедрыми, способными на поступки Доброго Самарянина, и в той степени, в которой они освобождаются от рабства гнева, соперничества и зависти, – в такой же степени должен меняться пол тех, к кому они чувствуют влечение. Но такого систематического и заслуживающего доверия изменения не происходит даже среди тех американских групп, которые тратят на это огромные деньги. Руководители этих групп признают, что в лучшем случае и не всегда происходит изменение поведения, а фундаментальная структура желания продолжает быть обращена к людям того же пола.³

Таким образом, конфликт налицо: с одной стороны, чтобы запрет на сексуальные отношения соответствовал природе человека, его склонность должна иметь характер объективного беззакония. Поскольку, в отличие от очевидно порочных желаний, гомосексуальная склонность не изменяется, она должна была бы быть безусловным злом – элементом радикальной порочности человеческого желания. Допустив последнее, мы сразу же очутимся вне католической антропологии. С другой стороны, если гомосексуальная склонность – это то, что просто существует, благодать будет вести к её процветанию, начиная оттуда, где человек стоит теперь. В таком случае придётся размышлять о приемлемости тех или иных поступков и актов в зависимости от обстоятельств, что противоречило бы традиционному абсолютному запрету.

³ Такое утверждение я базирую на собственном опыте подобных групп, на общении с Джереми Марксом и другими лидерами бывшей «экс-гей» группы Courage UK и на книге Уэйна Бисэна «Anything but Straight» (New York, Harrington Park Press, 2003).

Кто прав?

Я бы хотел подчеркнуть, что данный конфликт элементов католической доктрины является реальностью, в которой живут многие люди. Поэтому когда им говорят, что «вы должны быть послушными учению Церкви», не будет легкомысленным спросить в ответ: «Безусловно, только какому именно учению? Традиционному учению о благодати и первородном грехе или недавней характеристике гомосексуальной ориентации, с помощью которой ватиканские конгрегации стремятся удержать традиционный запрет на однополые сексуальные отношения? – Ведь пока что непонятно, как они могли бы быть в согласии с друг другом.» И поскольку, несомненно, обе стороны согласятся, что учение о благодати более важное, конфликт будет сведён к характеристике: является ли гомосексуальная склонность объективно незаконной или нет.

Одна из этих позиций верна, другая – нет. И эта ошибка имеет отношение к реальности, к тому, что либо существует, либо нет: либо бытие геям – это дефективная форма гетеросексуального бытия (что вытекает из характеристики гомосексуальной ориентации в документах ватиканских конгрегаций), либо это вещь сама по себе.

Мы, таким образом, приближаемся к тому, чтобы сделать следующий шаг. Если это правда, что гомосексуальная склонность – это неполноценная форма желания, структура которого фундаментально гетеросексуальна, тогда нет никакого конфликта между двумя элементами католического учения. Будет только серьёзный конфликт между правдой и тяжёлым искажением желания теми, кто сопротивляется признанию своего извращения. Но если гомосексуальная ориентация – это то, что существует само по себе и не является искажением ничего иного, тогда её характеристика Ватиканом, а вместе с тем и абсолютный запрет на однополые сексуальные отношения, неверны. И серьёзный конфликт будет проходить между правдой и тяжёлым искажением рассудка и желания тех сил, которые сопротивляются признанию постепенно являющейся себя правды.

И вот теперь время вернуться к страху Божьему. Я уверен, что было бы очень опасным сказать, что «один из нас неправ, и поскольку это точно не я, это должен быть ты». Вместо того, я хотел бы предложить позицию, которая позволит нам искать правду вместе и с честным намерением с обеих сторон. Я предлагаю её скорее для обсуждения, чтобы каждый из нас мог решить, ведёт ли она к чему-либо целесообразному.

Мой первый тезис будет следующим: я думаю, что католическое учение о первородном грехе и благодати в принципе подразумевает возможность того, что на протяжении истории мы узнаём о человеческом бытии нечто новое. Такое изменение никоим образом не будет противоречить неизменности учения, а будет иметь отношение к антропологическим импликациям доктрины. Если бы мы следовали позиции, которую Тридентский собор – правомерно или нет, – считал реформаторской, мы бы согласились, что природа человека настолько развращена, что мы не в состоянии распознать правду в себе, в том, что окружает нас и в социальных изменениях, свидетелями которых мы становимся. Единственный путь к правде – через откровение, и если конфликт между видимой правдой, познанной естественным образом, и откровением становится очевидным, именно откровение должно быть принятым за достоверное, поскольку наша испорченная природа не может служить критерием правды.

Католическая позиция будет иной: хотя человеческая природа серьёзно испорчена, нечто может – даже если с большим трудом, пробираясь через дебри ошибочных представлений, – быть познано, начиная с нас самих и того, что окружает нас. Более того, если обычным образом познанная правда оказывается в конфликте с откровением, именно познанная нами правда в состоянии стать критерием познания божественно открытой правды. Поэтому католическое богословие говорит о “естественном праве”, поскольку между творением и новым творением мы видим органическую связь, в принципе познаваемую разумом.

Таким образом, если придерживаться позиции, которую называют “реформаторской”, мы должны были бы согласиться с невозможностью достоверно познать, является ли, например, гомосексуальная склонность дефектом принципиально гетеросексуального бытия, или же это то, что существует само по себе. Единственное, что было бы нам под силу, это настаивать на характеристике, вытекающей из откровения. Если же мы следуем католическому учению, слегка отличающемуся от «реформаторского», мы не должны априорно отвергать возможности того, что мы в принципе можем – блуждая на трудных тропах, часто манящих в тупики, – придти к заключению, что то, что казалось дефектом чего-то ещё, таким не является, а скорее это ещё одно явление в творении, со своим собственным путём к процветанию. Поэтому нет никакой причины, вытекающей из веры, которая бы препятствовала нашему исследованию того, какая из двух позиций ближе к правде. Обе стороны могут участвовать в дискуссии и процессе познания.

Патологии желания

Таким образом, мой второй тезис, следующий из первого: аутентичная объективность того, кем человеческое существо является, познаваема с помощью внимательного и аккуратного наблюдения и распознавания жизни людей на протяжении времени. Поскольку то, кто мы теперь, имеет некоторое отношение к тому, кем мы станем в новом творении, то тенденция к разложению или процветанию, которую вполне возможно определить в результате обозрения и распознавания жизни людей на протяжении долгого времени и с должным вниманием к обстоятельствам, в принципе может указывать на то, кем человек является на самом деле. Поэтому если бы было правдой, что в силу бытия человеком все люди – фундаментально гетеросексуальны, то в тех из нас, кто, не соглашаясь с подобным утверждением, живут так, как будто бы они геи и лесбиянки, будет всё более очевидным разложение человеческой природы распространяющееся на все аспекты жизни. И с другой стороны, в тех из нас, у кого проявляется гомосексуальная склонность, но кто стойко придерживается фундаментальной гетеросексуальности, будет очевидным всё возрастающее процветание всех аспектов их жизни.

Поскольку я пробую усомниться в предлагаемой нам патологии нашего желания, давайте обратимся к аналогичному примеру из той же самой области. В результате познания, мы стали отличать воров от страдающих kleптоманией, сидящих на диетах от анорексиков, выпивающих от алкоголиков. В каждом случае мы знаем, как отличить поступки, хорошие они или плохие сами по себе, но которые не являются продуктом объективно неупорядоченной, болезненной склонности, от поступков, вытекающих из подобной склонности. Мы наказываем вора, но ищем помощи страдающему от kleптомании. Мы приветствуем сидящих на диете, но лечим анорексиков.

Мы знаем, что данное различие объективно: kleптомания, анорексия и алкоголизм – не образ поведения меньшинств, а состояния, которые, если их не контролировать, подвергают риску здоровье и преуспевание человека. Точно таким же образом должно быть возможным увидеть, подвергает ли риску здоровье и преуспевание человека его принятие самого себя геем или же наоборот – непринятие своих гомосексуальных желаний как части своего бытия является опасным.

Здесь следует вспомнить и отвергнуть ещё один возможный аргумент: «Сколько бы ни изощрались в познании, человеческие взгляды настолько относительно, что мы никогда по существу не сможем ничего доказать. Поэтому нам следует остановиться на откровении как единственном источнике объективности. К тому же, откровение в этой сфере касалось бы гетеросексуальности творения, полнота которой станет очевидной, когда придёт час спасения, а поэтому никакие знаки процветания геев теперь не имеют никакого значения». Отвергнуть подобный аргумент – значит в принципе сказать, что вера в фундаментальную гетеросексуальность всего человечества не является обязательной частью основ католической веры, несмотря на то, что такое предположение существовало до недавнего времени. (Это, безусловно, не означает отвергнуть очевидности того, что в основе человеческой репродукции находится комплементарность полов.)

Мы в принципе в состоянии познать объективную реальность без ссылки на доктринальную априорность. Конечно, мы вполне можем найти в будущем, что все люди фундаментально гетеросексуальны и что все проявления обратного – только иллюзия. Но если этого не случится, проблемы для доктрины как таковой не возникнет, поскольку католическое учение не зависит от того, насколько ошибочной или сомнительной может оказаться антропология. Если окажется, что не все человечество гетеросексуально, то возможность вступления в брак для однополых пар не будет представлять опасности для гетеросексуального брака и не будет рациональных причин отказывать геям и лесбиянкам в такой возможности.

Время сделать шаг к следующему, третьему, тезису: поскольку мы дискусируем здесь о предмете, многообразии и сложности которого, по видимому, ещё не нашли отражения во взглядах, за которые мы с такой силой держимся, или – иными словами, – где правда опережает нас всех и требует от нас дальнейшего познания, нам следует найти критерии, которые бы помогли прийти к согласию о том, в чём заключается процветание для людей с гомосексуальной склонностью.

Например, есть вещи, которые больше не являются предметом дискуссии. Скажем, так и не было найдено эмпирических свидетельств, подтверждающих меньшие профессиональные способности людей гомосексуальной ориентации: на способности быть лётчиком, садовником, врачом, учителем, бухгалтером, почтальоном или священником сексуальная ориентация никоим образом не влияет. Нет также никаких свидетельств тому, что сексуальная активность, соответствующая ориентации, влияет на профессиональные способности также – за исключением случаев неконтролируемого поведения, которое ни в коем случае не является прерогативой геев. В условиях жёсткой конкуренции «детей мира сего», чутких к любым слабостям своих соперников – слабостям, которые немедленно были бы использованы для достижения собственных целей, – присутствие геев в бизнесе, армиях и т.д. так и не дало повода предполагать о какой-либо их ущербности.

То есть, гомосексуальная ориентация не сказывается на профессиональных или социальных способностях. Мы можем вполне правомерно предположить, что сама по себе гомосексуальная ориентация не ведёт к унижению человеческого процветания. Кому-то этот аргумент покажется неубедительным: вполне возможно допустить, что социальные, и экономические структуры вполне рады воспользоваться личностной нестабильностью или привычкой прятаться за маской, чтобы приобрести лояльного работника, способностями которого можно пользоваться некоторое время, а затем выкинуть, когда он окажется истощённым из-за отсутствия здоровой основы в его жизни.

Процветание личности

Для полноты картины кроме социального и экономического преуспевания, также следует иметь ввиду процветание личности. Именно здесь мы скорее всего и найдём подходящие критерии для наших суждений. На мой взгляд, более или менее адекватные вопросы в этом аспекте были бы такого типа: имеет ли какую-либо роль самопринятие человеком с гомосексуальной ориентацией себя таковым в развитии ответственной личности, в способности создавать здоровые взаимоотношения, становиться более честным, сострадательным и щедрым, преодолевая эгоизм и соперническое отношение к другим?

Чтобы найти ответ, во-первых, следует сравнить людей с несомненной гетеросексуальной склонностью с людьми с гомосексуальной склонностью, принятой или нет. Если полученный результат – существенно повторяющийся и последовательный, – покажет у людей с гомосексуальной склонностью меньшую способность к развитию ответственности, создавать здоровые взаимоотношения, становиться более честными, сострадательными и щедрыми, преодолевая эгоизм и соперническое отношение к другим, то, имея ввиду равенство социальных условий (что само по себе может представлять трудность, учитывая реалии бытия в меньшинстве), по крайней мере будет серьёзная причина подозревать гомосексуальную склонность в фундаментальной дефективности. Мне ещё не приходилось встречаться с подобными результатами достоверных исследований, что, конечно, не значит, что их не может быть получено в принципе.

Во-вторых, следует сравнить людей с гомосексуальной склонностью, которые принимают эту склонность как часть своего бытия и находят истоки своего процветания также в ней (на профессиональном языке психологов таких людей называют эгосинтониками), с людьми, отрицающими, что их склонность является частью их Я, а является скорее тяжким ярмом и причиной жестоких искушений, которые должны быть преодолены (таких людей называют эгодистониками). Если существенно повторяющимся и последовательным результатом сравнения окажется то, что эгосинтоники в меньшей степени по сравнению с эгодистониками способны к развитию чувства личной ответственности, созданию здоровых взаимоотношений, в меньшей степени способны становиться более честными, сострадательными и щедрыми, преодолевая эгоизм и соперническое отношение к другим, то мы получим серьёзный повод предполагать, что гомосексуальная склонность не является вещью самой в себе, а скорее какого-то рода дефектом, лечение которого позволит человеку процветать. А если нет, то всё наоборот.

Безусловно, могут быть иные представления о подходящих критериях, и такие предложения должны приветствоваться. Пока же, как мне кажется, общего согласия о подобных критериях ещё нет.

Когда лёд тронется

Что уже теперь очевидно, это то, что в интересах правды данная дискуссия больше не должна откладываться. Похоже, что именно теперь ватиканские конгрегации обсуждают между собой критерии допущения геев в семинарии.⁴ В этой связи следует заметить, что если именно эгодистоники наиболее склонны преуспевать, потому что они ближе к реальности того, кем человек является, то Церкви следует предпринять просветительскую кампанию среди молодёжи, размышляющей о священстве, ясно показывая все доводы, так что все те, кто искусился примириться с собственной гомосексуальностью, либо станут эгодистониками, либо забудут о семинарии. Но если правдой окажется то, что эгосинтоники более склонны к преуспеванию, тогда это в интересах всей Церкви, которая традиционна среди своих священников имела больший по сравнению с общим населением процент мужчин с гомосексуальной склонностью, помочь своим работникам жить в правде.

Поэтому мой четвёртый и последний тезис прост: мы в Церкви больше не должны избегать поиска правды в данном вопросе. И здесь есть кое-что, о чём новому папе, Бенедикту XVI, следует поразмышлять. Я хотел бы обратить внимание на слова его предшественника, Иоанна Павла II:

[Многие] случаи “социальных” грехов – это результат аккумуляции и концентрации множества личных грехов [...] Это случай очень личных грехов тех, кто становится причиной зла или поддерживает его. Тех, кто в состоянии устранить или, по крайней мере, ограничить социальное зло, но кто не сделал этого из лени, страха, молчаливого сговора, тайного соучастия или безразличия. Тех, кто успокаивает себя невозможностью изменить мир или под предлогом высших мотивов уклоняется от необходимых усилий и жертв.⁵

Обоснованность данного учения независима от того, каковой окажется правда о гомосексуальной склонности. Если эта склонность объективное беззаконие, то те, кто в этом уверен, должны также согласиться, что прятать подобное расстройство означало бы преумножать социальное зло. Они должны найти средства и человеческие ресурсы для убедительной образовательной программы, базирующейся на хорошо разработанных и заслуживающих доверия эмпирических данных, подтверждающих правдивость их позиции и делающей её невозможной проигнорировать. Они должны приложить усилия к тому, чтобы наставники и ученики, не разделяющие подобных убеждений, были исключены из семинарий, поскольку было бы очень жестоким позволить им оставаться в самообмане того, что их бытие соответствует христианскому образу жизни, и продолжать тратить впустую своё время и жизнь.

Традиционная церковная двусмысленность в этой сфере по принципу «не спрашивай, не говори» должна измениться на нечто более определённое.

⁴ Этот текст был написан за полгода до публикации в ноябре 2005 г. инструкция Конгрегации католического воспитания и образования о «Критериях распознавания призваний кандидатов с гомосексуальными наклонностями в свете приема в семинарию или посвящения в сан священника» (Instruction concerning the criteria for the discernment of vocations with regard to persons with homosexual tendencies in view of their admission to the Seminary and to Holy Orders). Ссылки на текст этой инструкции на нескольких языках можно найти на странице Конгрегации, http://www.vatican.va/roman_curia/congregations/ccatheduc/.

⁵ *Reconciliatio et Paenitentia* [Постсинодальная экзортация], 1984, 16.

То, что теперь, кажется, повсюду растёт уверенность в том, что традиционная позиция Церкви ошибочна, должно быть ещё одним поводом к тому, чтобы приложить усилия для объявления правды во всей её полноте.

Если же окажется, что гомосексуальная склонность – это то, что существует само по себе и ничего более, то слова Святого Отца требуют не меньшего внимания и применения к ситуации в Церкви, потому что сегодня нетрудно увидеть в Церкви присутствие обмана – плода многих личных грехов и ситуаций, когда люди не смогли сказать правду из-за страха последствий, – где очень многие, кто более чем сомневался, что бытие геем не является объективным расстройством и кто вполне мог бы посвятить себя работе для общего блага в своих обществах, но не сумел противостоять лжи «из лени, страха, молчаливого сговора, тайного соучастия или безразличия», кто успокоил себя «невозможностью изменить мир или под предлогом высших мотивов [уклонился] от необходимых усилий и жертв».

Врагом правды в этом случае являются не резкие окрики тех, кто сопротивляется изменениям, а молчание тех, кто более чем подозревает, что официальная позиция – всего только «ложь высшего сорта». Нам следует просить в молитве страха Божьего и дара милосердного отношения к трусости в наших собственных сердцах и в сердцах других, чтобы мы нашли смелость вместе искать правду, а также любовь, чтобы не оставить никого у позорного столба, у которого профессор Майер и церковные иерархи, знавшие его позицию, остались стоять.